

Т. В. АКАШЕВА

(Магнитогорский государственный технический
университет)

ЭВОЛЮЦИЯ ИДЕЙ Р. БАРТА В ТВОРЧЕСТВЕ Э. ЕЛИНЕК

Творчество австрийской писательницы, лауреата Нобелевской премии 2004 г. Э. Елинек ориентировано на разрушение стереотипов общественного сознания: «Мои тексты — разрушение мифа. Я хочу вернуть вещам их историю и их правду» [цит. по: Залесова-Докторова 2005: 91]. В начале своего литературного пути Эльфрида Елинек обратилась к концепции Ролана Барта, изложенной в его статье «Миф сегодня» (*Le mythe, aujourd'hui*, 1956). Итогом переосмысления работы Барта стало эссе Э. Елинек «Бесконечная невинность» (*Die endlose Unschuldigkeit*, 1970), в котором она сформулировала творческое кредо, разработала программу и задавала проблематику своего дальнейшего творчества: разрушение мифов современного общества и разоблачение их власти над людьми [Акашева 2013].

Взгляды Барта сыграли выдающуюся роль в раскрытии семиологической природы мифа, «тайны» его возникновения и функционирования. Барт тесно связывает миф с языком и информацией, рассматривая мифологию как часть семиотики, которая изучает значения независимо от их содержания [Барт 1996]. Основной постулат Барта основывается на том, что мифом в особых условиях речевого поведения может стать любое сообщение: не только устное высказывание и письменная речь, но и фильм, статья, реклама, фотография. Это может становиться носителем мифического сознания, а носитель вместе с освоением языка и культуры как бы берет «напрокат» порожденные мифы и начинает воспринимать и оценивать действительность через них [Там же]. Барт определил мифы современного сознания как «вторичные (коннотативные) образования», которые паразитируют на знаках естественного языка и надстраивают над ними идеологические смыслы, и противопоставил им «первичные (предметные, денотативные) значения слов», которые соответствуют природе и образуют свободную от мифов реальность [Там же: 18–19].

Действенность мифов, по мнению Барта, основана на том, что они, кроме непосредственного, поверхностного смысла, несут в себе некое скрытое идеологическое сообщение, которое человек «проглатывает», даже не замечая этого. Барт одним из первых заговорил о том, что теперь настоятельно необходимо, чтобы появился новый типаж интеллектуального борца с капитализмом — мифолог, который занимался бы дешифровкой буржуазных мифов, показывая людям, какую систему идей и ценностей пытаются внушить им под видом вроде бы безобидной коммерческой рекламы или газетного сообщения [Барт 1996].

Задача мифолога — придать смыслу мифа значение абсурда и сюрреалистичности. Примеры такой дешифровки, а стало быть и разрушения, можно найти в книге Барта «Мифологии» [Там же]. Далее в своей работе Барт постулирует то, что один миф может сменить другой, но человек никогда не остается без мифов: «Миф — форма сознания, свойственная человеку, как свойственны ему другие формы сознания. Разрушение мифа приводит не к господству рациональности, а к утверждению другого мифа» [Там же: 275].

Человечество, по мнению Барта, постоянно занято заменой мифов мифами же. При исследовании мифа в нем выявляется скрытая деформация смысла и тем самым происходит расшифровка искаженных языком мифа явлений, поскольку «миф ничего не скрывает и ничего не демонстрирует — он деформирует; его тактика — не правда и не ложь, а отклонение» [Там же: 255].

Эльфрида Елинек в своем эссе «Бесконечная невинность» обращается к концепции Р. Барта и представляет свое видение современных мифов. В этой полемике с Бартом и попытке анализа его работы, по признанию исследователей М. Янц, С. Цобль, и определился ее собственный стиль письма [Janz 1995; Zobl 1995]. По мнению А. В. Белобратова, далее в ее творческом сознании будут сформированы «представления о современном состоянии социума и культуры, представления, в которых существенную роль играет мифологическая концепция французского философа-структуралиста Романа Барта» [Белобратов 2010: 442–443].

Уже в самом названии эссе «Бесконечная невинность» имеется отсылка к «Мифу сегодня» Барта, где миф эксплицирован как «слово невинное» [Барт 1996: 257]. Эссе представляет собой коллаж из заголовков, цитат из тривиальной, массовой культуры и собственно из теории о массовой культуре. Описание тривиальных образцов и их интерпретация настолько тесно переплетены, что часто являются собой единое целое: сама вещь и толкование по поводу вещи выражены одинаково. Этот прием в дальнейшем в различных ипостасях будет использован Елинек во всех ее последующих произведениях [Акашева 2009].

С одной стороны, эссе изобилует цитатами из телесериалов, рекламы, желтой прессы, женских журналов; с другой стороны, в эссе

цитируются теоретические тексты Барта «Миф сегодня», Раймута Райхе «Сексуальность и классовая борьба» (1968) и Отто Ф. Гмелина «Зачинщик I, или Эмансипация и оргазм (1969) [Janz 1995].

Цитаты Р. Райхе и О. Ф. Гмелина в эссе представлены незначительно и, по мнению М. Янц, затрагивают прежде всего критику телевидения и критику «истинного характера» женской сексуальности на телеэкране [Ibid.: 8]. Ссылки же на Барта и его «Миф сегодня» явно доминируют в тексте.

С цитатами Барта Елинек обращается вольно, используя их в большинстве случаев без каких-либо выраженных обозначений либо дословно, либо как парафраз, преимущественно в сформулированном Бартом аспекте критики идеологии. Ее рецепция бартовской концепции касается прежде всего содержательного уровня. Елинек, вслед за Бартом, определяет миф как «деполитизированное» слово, в котором предмет «лишается всякой истории» [Барт 1996: 269, 278]. Она соглашается с обоснованием Бартом «натурализации» исторического или превращения истории в природу, в нечто само собой разумеющееся с целью политически выверенного воздействия [Там же: 255].

Абсолютно по Барту она называет анонимность буржуазии в мифе «разыменованием» и ее маскировку как класса под «человечество» [Там же: 265]. Ссылаясь на марксистскую критику идеологии, Барт в своем «Мифе сегодня» пишет о том, что мелкая буржуазия ориентируется на крупную и перенимает в мифах ее нормы. Цель мифа — «сделать мир неподвижным» [Там же: 283], «поддерживать мир в его неподвижности) [Jelinek 1980: 82]. При этом, по Елинек, предполагается, что имеется еще и «революционный» класс, который околпачивают и завлекают псевдобуржуазными ценностями. Такое общество из-за подавления социального самоопределения остается незрелым, «инфантильным» [Ibid.: 70]; по сути уже здесь обозначен подзаголовок ее будущего романа «Михаэль. Молодежная книга для инфантильного общества» (Michael. Ein Jugendbuch für die Infantilgesellschaft, 1972).

Данные Бартом определения влияния содержания и формы мифа на его смысл, структуры мифа как означающего, означаемого и знака, а также его опыт анализа современных мифов с целью их разрушения для дальнейшего творчества Елинек трудно переоценить. Само название этого раннего эссе «Бесконечная невинность» указывает на цель, поставленную писательницей: «возвращать вещам и словам их истинную ценность», разоблачая прилипшие к ним идеологические смыслы. Речь идет — как и у Барта — о том, чтобы разрушить этот «мир неподвижный», который «начинает жить вместо» человека [Барт 1996: 283].

Последующие произведения Елинек, будь то проза или драматургия, удивительным образом доказывают, насколько точно она следует поставленной цели, ссылаясь на тезисы и отдельные форму-

лировки Барта, и какое значение имела эта теоретическая работа для ее литературной деятельности в качестве мифолога.

Если в своих последующих произведениях Елинек предпринимает попытки разрушить социальные и культурные мифы вообще, то в эссе «Бесконечная невинность» подразумеваются тривиальные мифы в узком смысле, то есть мифы, порожденные рекламой, массовой культурой и «культурной индустрией». Одновременно, что уже не соотносится с Бартом, она привносит в критику тривиальных мифов феминистские и антипатриархальные аспекты. Так, например, в эссе на примере рекламы интимного средства «Tosan» представлено, как в средствах массовой информации женщина лишается своего права на интимность, сексуальность и свою историю. В ее последующих произведениях мы не раз столкнемся с впервые представленной здесь подобной критикой и пародией на средства гигиены (например, в романе «Любовницы» (Liebhaberinnen, 1975)).

Предпринятый автором монтаж фрагментов ТВ-сериалов в данном эссе позволяет критически осмыслить их роль в формировании подобострастия по отношению к вышестоящим и почитания власть имущих и в воспитании авторитарного характера. Массовая коммуникация действует как «Сверх-Я» и одновременно способствует созданию безликой массы. Каждый становится частью изначально заданной «большой семьи людей». Таким образом, достигается «иллюзорная неразличимость социальных классов» [Jelinek 1980: 57]. За всеми социальными противоречиями тянется «шлейф естественности», который препятствует самоопределению рабочего класса и эмансипации женщины [Ibid.: 56]. Вследствие тотального превращения истории в природу, в естество, мир оказывается без противоречий и вместо «изменений» наступает «увековечивание, смерть» [Ibid.: 69]. То же мы находим у Барта: «Мифы непрестанно и неутомимо добиваются, вкрадчиво и непреклонно требуют, чтобы все люди узнавали себя в вековечном...» [Барт 1996: 283].

Елинек в своем эссе не только анализирует концепцию Барта о современных мифах, но и соглашается с его определением мифа как семиологической системы. Барт различает переходный, политический и направленный на изменение «язык-объект», высказывающий сами вещи, и «метаязык», говорящий по поводу вещей и превращающий мир в застывшую картину, в миф [Там же: 271]. Елинек также дифференцирует «язык-объект» угнетаемых и мифический «метаязык» угнетателей и солидарна с марксистскими импликациями в теории Барта в следующем: «...угнетаемый создает мир он владеет политически активным языком (переходным) угнетатель консервирует его высказывание угнетателя есть миф»¹ [Jelinek 1980: 69].

¹ Елинек в своих ранних текстах использует написание слов со строчной буквы и снимает знаки препинания.

«Миф, — продолжает Барт в своем “Мифе сегодня”, — это вторичная семиологическая система» [Барт 1996: 239]. То, что в первичной системе, то есть в языке, было знаком «языка-объекта», во вторичной оказывается означающим, то есть исходным членом метаязыковой системы мифа. Таким образом, «язык-объект» похищается «метаязыком» или мифом, и происходит взаимное наложение двух систем, где наполненный смыслом «знак» «языка-объекта» переходит в пустую форму, лишенную истории: «Означающее в мифе предстает в двойственном виде, будучи одновременно смыслом и формой, с одной стороны полным, с другой — пустым» [Там же: 242].

Елинек соглашается с описанием Бартом перехода от «языка-объекта» к «метаязыку» в том, что это переход от смысла к форме, когда миф утрачивает свое знание об исторических и политических взаимосвязях [Там же: 243]. Мифическое понятие замещает смысл и деформирует его так, что теряется всякое воспоминание об историческом и общественном истоках. Таким образом, мистифицирующая деформация еще остается в области «языка-объекта», но она трансформирует и деформирует этот язык. А значит, языковое выражение мифического сообщения, по Барту, является не простым противопоставлением «языку-объекту», а взаимным наложением и замещением первичной и вторичной систем. Чередование смысла и формы в мифическом Барт описывает следующим образом: «Миф же имеет ценностную природу, он не подчиняется критерию истины, поэтому ничто не мешает ему бесконечно действовать по принципу алиби; если означающее двулико, то у него всегда имеется некая другая сторона; смысл всякий раз присутствует для того, чтобы через него предстала форма, форма всякий раз присутствует для того, чтобы через нее отстранился смысл. И между смыслом и формой никогда не бывает противоречий, конфликтов, столкновений — ведь они никогда не оказываются в одной и той же точке. [...] Удивиться такому противоречию я могу лишь в том случае, если волевым усилием остановлю мелькание формы и смысла, разгляжу каждый из этих объектов отдельно, — короче говоря, если наперекор динамике мифа стану применять к нему статические приемы расшифровки; или, одним словом, если из читателя мифа я сделаюсь мифологом» [Барт 1996: 248–249].

Разрушение мифа — задача мифолога, — по Барту, заключается в том, чтобы предотвратить переход, замещение смысла формой и разделить смысл «языка-объекта» от «метаязыковой» формы, то есть разоблачить двойственность означающего. Так же, как и Барт, Елинек в начале своего эссе описывает способ разрушения мифа как акт, в котором снова откроется застывшая в стереотипе и клише действительность для своего использования в истинном значении: «...открыть и осмыслить каждую безмолвную закрытую сущность отдать ее во владение обществу нагрузить вещи смыслом: общественное потребление сближается с материей» [Jelinek 1980: 49].

В ранних произведениях Елинек («Михаэль», «Любовницы») и в эссе «Бесконечная невинность» такое «закрытое существование» представлено цитированием узнаваемых клише массмедиа, которые либо трансформированы, либо внезапно обрываются и вписываются в другие ситуации [Акашева, Песина и др. 2016]. В более позднем творчестве («Похоть» (Lust, 1989), «Дети мертвых» (Die Kinder der Toten, 1995)) уже цитируются произведения литературы, работы философского и религиозного характера, вписанные в непривычный контекст и подвергаемые разрушению, но всегда путь Елинек — развенчивать мифы — семиологические единицы буржуазной идеологии — остается крайне маргинальным, с негативным оттенком, без утопических перспектив.

В этом смысле предсказания Барта относительно участи мифолога и его позиционирования в обществе оказались пророческими. У Барта это сформулировано следующим образом: «Разрушение коллективного языка становится для него абсолютом, заполняя без остатка его труд; оно переживается им как нечто безвозвратное и безвозмездное. Ему не дано чувственно представить себе, каким станет мир, когда исчезнет непосредственный предмет его критики; ему недоступна роскошь утопии, ибо он не верит, что завтрашняя истина может быть точной изнанкой сегодняшней лжи. [...] Для него позитивность завтрашнего дня всецело скрыта под негативностью дня сегодняшнего; все ценности, на которых зиждется его труд, даны ему в актах разрушения, всецело заслонены им, из-под них ничего не проступает» [Барт 1996: 285]. Описываемая во всех произведениях Елинек действительность, оголенная правда, а также ее сложные отношения с читателем и критикой подтверждают пророчества Барта об участи мифолога и опасности создания им мифа, страшнее разрушенного.

По сути в этом раннем эссе заложено основание для дальнейшей творческой деятельности Елинек в целях разрушения мифов, а также ее языковых игр, доводящих мистифицирующий «метаязык» до абсурда. Оно характеризуется, прежде всего, чрезвычайной интертекстуальностью, которая сохраняется во всех ее последующих текстах. Хотя техника цитирования в ее различных произведениях не однородна, тем не менее пре- и интертексты используются как мифы, которые необходимо разрушить. Когда тексты из-за своего чужеродного интертекстуального материала становятся экстремальными, они разрушают и симулируют путь самого мифа: «...миф — это язык не желающий умирать; питаясь чужими смыслами, он благодаря им незаметно продлевает свою ущербную жизнь, искусственно отсрочивает их смерть и сам удобно вселяется в эту отсрочку; он превращает их в говорящие трупы» [Барт 1996: 259]. Елинек, используя интертекстуальность, не только возвращает деполитизированному и изъятому из истории слову его историю и истинное значение, но и одновременно создает новый, «искус-

ственный миф», что, по Барту, является «лучшим оружием против мифа» [Барт 1996: 262]. То есть Елинек создает наигранную, надуманную картинку, в которой жизнь мифа заканчивается.

Р. Барт в своем «Мифе сегодня» лишь косвенно попытался объединить семиологию с марксистской критикой идеологии. Елинек же в своем эссе намного глубже затрагивает идеологию, рассуждая на тему о роли мифа в манипуляции сознанием масс. Здесь уже становится отчетливым, что Елинек предпринимает деконструкцию мифов в связи с критикой фашизма, чего мы не находим у Барта. Кроме того, как мы уже упоминали, эссе Елинек наполнено мыслями антипатриархального и феминистского свойства, что, несомненно, предопределило основную проблематику ее дальнейшего творчества — феминизм и критику фашизма.

Техника монтажа и коллажа, использованная Елинек в эссе, применена также в целях критики и разрушения мифов. Составленный текст-коллаж демонтирует видимость органичного, единого и, становясь неуместным, «денатурализованным», разрушает привычный миф. Все эти приемы — интертекст, техника монтажа, коллаж — позволяют состояться Елинек как критику и разрушителю мифов и идеологии и решить те задачи, которые она впервые сформулировала в своем эссе «Бесконечная невинность» и продолжила в своих последующих произведениях. Елинек, соглашаясь и полемизируя с Бартом, не только использовала его модель разрушения мифа на различных уровнях — на уровне интертекстуальности, структуры, риторики и стилистики, но и сделала ее продуктивной.

Решающим для языковой особенности письма Елинек стало при этом различие «языка-объекта» и «метаязыка» по Барту и обращение к семиологической природе мифа как интерференции двух систем, при которой смысл первой системы, то есть «языка-объекта», деформируется. Елинек не исправляет эту деформацию в языке, напротив, она делает ее явной и доводит до абсурда. То есть ее способ разрушения мифа состоит не только в том, чтобы просто разоблачить мифическое сообщение и содержащуюся в нем идеологию, а, наоборот, пойти дальше, создать новый искусственный миф. И тогда, как писал Барт, «искусственный миф» литературного произведения преувеличивает и извращает идеологический миф и заставляет проявиться его в своем «невинном образе» [Барт 1996: 243]. Елинек в своем эссе, равно как и в последующих текстах, разрушает бесконечность этой невинности.

Вслед за Бартом она подвергает критике идеологическую скрытую пропаганду буржуазного общества и мифопорождающие машины этого общества: это в первую очередь массмедиа (телевидение, пресса), литература, реклама.

Таким образом, поддерживая его модель разрушения мифа, Елинек, однако, привносит свое в эту концепцию и расставляет несколько иные акценты: она, прежде всего, пишет о положении

женщины в обществе и семье, насилии и агрессии, отношении власти и подчинения. Кроме того, в этом эссе она впервые затрагивает проблему роли мифов в пропаганде фашизма, что будет затем как явно, так и на уровне аллюзий присутствовать в ее дальнейшем творчестве.

Литература

- Акашева 2009 — *Акашева Т. В.* Интертекстуальность как средство разрушения мифов в творчестве Э. Елинек // Вестник Челябинского государственного университета. Челябинск, 2009. Вып. 30. С. 6–10.
- Акашева 2013 — *Акашева Т. В.* Современные мифы и мифодеструктивные авторские приемы в ранней прозе Э. Елинек. Магнитогорск, 2013.
- Акашева, Песина и др. 2009 — *Акашева Т. В., Песина С. А., Рахимова Н. М., Землянужина Е. В.* Когнитивные стратегии интерпретации интертекстуальных включений в художественном дискурсе (на материале произведений Э. Елинек) // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. № 2 (47). С. 5–10.
- Барт 1996 — *Барт Р.* Мифологии. М., 1996.
- Белобратов 2010 — *Белобратов А. В.* Эльфрида Елинек // История австрийской литературы XX века. Т. 2. М., 2010. С. 439–460.
- Залесова-Докторова 2005 — *Залесова-Докторова Л.* Эльфрида Елинек — совесть австрийской нации // Звезда. 2005. № 3. С. 91–95.
- Janz 1995 — *Janz M.* Elfriede Jelinek. Stuttgart, 1995.
- Jelinek 1980 — *Jelinek E.* Die endlose Unschuldigkeit. Schwifting, 1980.
- Zobl 1995 — *Zobl S.* Zerstörung mit Methode // Die Furche. 7.09.1995.

ZUSAMMENFASSUNG

Die Weiterentwicklung der Ideen von Roland Barthes im künstlerischen Weltbild von Elfriede Jelinek

In ihrem Essay „Die endlose Unschuldigkeit“ setzt sich Jelinek produktiv mit Roland Barthes „Mythen des Alltags“ auseinander. In seinen theoretischen Studien untersucht Barthes die Natur des Mythos als soziokulturelles Phänomen, die Mechanismen seiner Entstehung und seine Funktionsweise. Bei Jelinek wird das zur Grundlage des Lesens, Entschlüsselns und Zerstörens von Mythen. Jelinek wie Barth kritisieren versteckte Ideologeme, die als Propaganda in der bürgerlichen Gesellschaft wirken, und Institutionen, die Mythen schaffen und verbreiten: Massenmedien (Fernsehen, Presse), Literatur und Werbung. Jelinek stimmt der semiologischen Natur des Mythos und dem Modell der Zer-

störung des Mythos nach Barthes zu, jedoch bringt sie in dieses Konzept etwas Neues ein: Als Feministin und Antifaschistin schreibt sie vor allem über die Unterdrückung der Frauen in der Gesellschaft und über Gewalt und Aggression in der Familie, über Macht, Autoritarismus und Unterordnung. Ferner geht sie auf die Rolle des Mythos in der Propaganda des Faschismus ein.